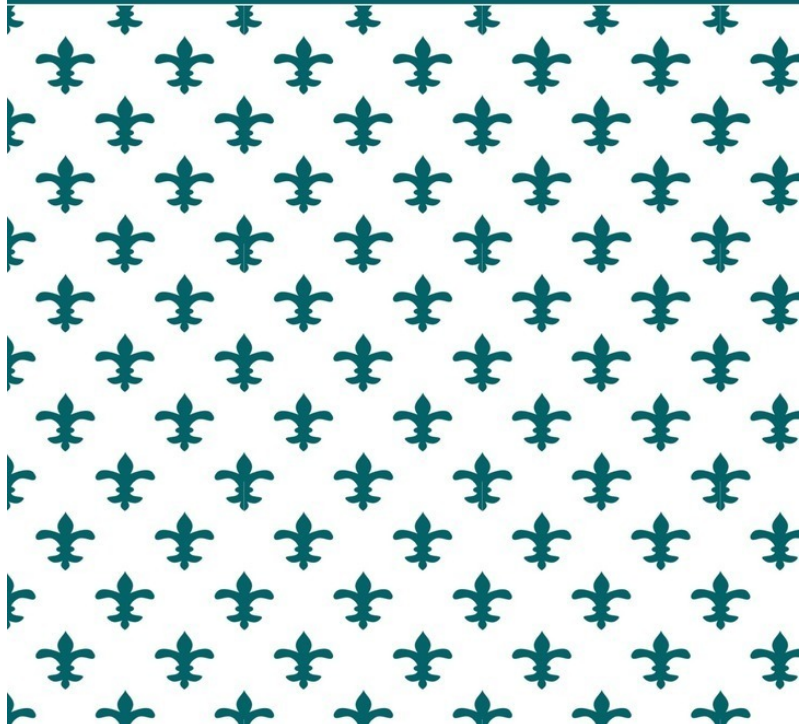

Уильям Шекспир

Сонеты

Уильям Шекспир

Сонеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793975

ISBN 9785448506581

Аннотация

Переводчик и составитель настоящей книги А. Ладшин тешит себя мыслью, что плод его труда не худшая попытка из ныне предпринимаемых.

Содержание

От составителя	6
Сонет 1	7
Сонет 2	9
Сонет 3	11
Сонет 4	13
Сонет 5	15
Сонет 6	17
Сонет 7	19
Сонет 8	21
Сонет 9	23
Сонет 10	25
Сонет 11	27
Сонет 12	29
Сонет 13	31
Сонет 14	33
Сонет 15	35
Сонет 16	37
Сонет 17	39
Сонет 18	41
Сонет 19	43
Сонет 20	45
Сонет 21	47
Сонет 22	49

Сонет 23	51
Сонет 24	53
Сонет 25	55
Сонет 26	57
Сонет 27	59
Сонет 28	61
Сонет 29	63
Сонет 30	65
Сонет 31	67
Сонет 32	69
Сонет 33	71
Сонет 34	73
Сонет 35	75
Сонет 36	77
Сонет 37	79
Сонет 38	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сонеты

Уильям Шекспир

Переводчик Александр Павлович Ладосин

© Уильям Шекспир, 2017

ISBN 978-5-4485-0658-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя

Да простит меня уважаемый читатель за дерзость и за гордыню, что водили моей рукой во время работы над этой книгой. Больше всего мне не хотелось бы оставить впечатление о неуважении к великому Мэтру, к его творчеству, раз уж столь недостойный ремесленник дерзнул перепевать его сонеты.

Нет уважаемые, уверяю вас, мной руководило исключительно желание поделиться с вами тем звучанием бессмертной музыки – которую я слышу. Оркестр играющий во мне и для меня может и не выдающийся исполнитель, но там звучат знакомые мне трубы и мандолины, их голоса привычны моему слуху. Академические и ещё не «остепенённые», профессиональные и любительские, оркестры, ансамбли и отдельные исполнители уже сыграли все ноты Мастера не единожды. Каждый, приступая к великой музыке надеялся услышать там что-то своё, лишь ему слышимое.

Вот и я озадачить свой оркестр чтением не простой партитуры, дабы нечто новое услышать. Более того, я и вам хочу предложить знакомство с музыкой, пропетой моим совсем уж любительским, моим маленьким домашним оркестриком. Что знаю точно, за что несу полную ответственность – он старался.

СОНЕТ 1

From fairest creatures, we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

Стремимся мы умножить красоту —
Жива что в розе. А в урочный час,
Откроется бутон и сменит ту,
Что ранее дарила счастьем нас.

А ты своею занят красотой,
Внимание лишь только ей даришь.
Сгубил надел ты плодородный свой,
Себе палач, ты сам себя казнишь.

Ты миру украшенья и весне,
Но краток красоты твоей парад.
Открой бутон, пусть семена вовне...
Не прячь, как скряга, дивный свой наряд.

Мир пожалей и поле засевай,
Зачем губить не взросший урожай!

СОНЕТ 2

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now
Will be a tottered weed of small worth held:
Then being asked where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say within thine own deep-sunken eyes
Were an all-eating shame, and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer, «This fair child» of mine
Shall sum my count, and make my old excuse',
Proving his beauty by succession thine.
This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

Как сорок зим чело избороздят
Траншеями на поле красоты,
Не привлекает боле твой наряд
Внимания – не интересен ты.

И если спросят – Где, мол, красота,
Богатство где былых цветущих дней?
Не говори, что глазом вглубь взята.
Насмешка выйдет, промолчать честней.

Похвальнее представить красоту
Всем заявив – Вот мой прекрасный сын!
Он подытожил старость и мечту,
Наследник красоты лишь он один!

И в старости быть можно молодым —
Не застить сыну путь челом седым.

СОНЕТ 3

Look in thy glass and tell the face thou viewest,
Now is the time that face should form another,
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unearned womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles, this thy golden time.
But if thou live rememb'ed not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

Кто в зеркале твоём тому скажи,
Что время в новом образе предстать,
Явленьем новым миру услужив.
Природу матери нельзя ломать.

Где дева та, что лоно охранит
От счастья быть возделанным тобой?
Иль кто-то в безрассудстве убежит
От долга след в миру оставить свой?

Ты отраженье матери своей
И возвращаешь ей глоток весны,
Сам, подойдя к порогу лет и дней
Увидишь в детях молодости сны.

Когда же жизнь влачишь лишь для себя,
Умрешь один, сиял твой образ зря.

СОНЕТ 4

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive:
Then how, when Nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tombed with thee,
Which used lives th'executor to be.

Милейший мот, зачем же на себя
Ты тратишь весь наследия запас?
Природа только тех дарит любя,
Кто щедр и щедрость дарит всякий час.

Прекрасный скряга, ты зачем хранишь
Дары, которые пора раздать?
Пока ты с пользой их не разместишь,
Не будешь с них дохода получать.

Ты сам с собой без смысла торг ведешь,
И в торге этом грабишь сам себя.
Настанет день, к расчету подойдешь —
Оплачивать чем будешь векселя?

В тебя природа поместила вклад,
Потомок твой пусть будет им богат.

СОНЕТ 5

Those hours that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell
Will play the tyrants to the very same,
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter and confounds him there,
Sap checked with frost and lustry leaves quite gone,
Beauty o'ersnowed and bareness every where:
Then were not summer's distillation left
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it nor no remembrance what it was.
But flowers distilled, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet.

Ткёт время сети красоты,
В которые уловлен взгляд.
Но выше воспарят мечты,
Ведь время не бежит назад

Стекает лето к холодам,
Где злой, суровою зимой
Замерзнут соки по садам,
Цветам, под снежной пеленой.

И если соки трав и роз
Не заточить в стеклянный плен,
Утратим память, и в мороз
Всех ждет унынье, в чувствах тлен.

Когда же сок цветов изъят,
Он вечен – дивный аромат.

СОНЕТ 6

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer ere thou be distilled:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure ere it be self-killed:
That use is not forbidden usury
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-willed, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

Не допусти суровых холодов
До лета своего и до семян.
Найди сосуд, что воспринять готов
Их в рост. С весной предотврати изъян.

Такое ростовщичество в чести,
Заемщик оправдает свой кредит.
Себя другого миру принести
Десятикратно счастье пусть звучит.

Ты десять раз представлен на земле,
Ты обладатель счастья десять раз.
Настанет час, ты скроешься во мгле —
Но будешь жить!.. потом, как и сейчас.

Не будь упрям, ты слишком одарен,
Чтоб смерть наследия смела закон.

СОНЕТ 7

Lo in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climbed the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age he reeleth from the day,
The eyes (fore duteous) now converted are
From his low tract and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlooked on diest unless thou get a son.

Когда восток пылающей главой
Востанет над... Земные существа,
С почтением склоняются толпой,
Служа приходу света торжества.

Взбираясь на небесные холмы,
Светило, как юнец в расцвете лет.
К нему всяк смертный взгляд свой устремит,
Смотря, как в золото рассвет одет.

Одежды истрепав к исходу дня,
Устало солнце катит на покой.
Глаза людей уж верность не храня,
Взирают прочь, ища рассвет другой.

Учти и ты, вступая в полдень свой,
Что нужен сын, пока ты над плитой.

СОНЕТ 8

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear;
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire, and child, and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing;
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee, «Thou single wilt prove none.»

Сам музыка от музыки грустишь?
Но ведь добро добру совсем не враг;
Обузу ты вниманием даришь,
Досаду же приемлешь за пустяк?

Ужель тебе небесных струн лады
Не говорят про двойственный союз?..
Прими укор, не должно молодым
В безбрачье пребывать, чураясь уз.

То резонанс двух струн, он и она,
Творит семьи достойный унисон.
Мать и отец, и сын, их песнь слышна,
Единство песне силу придает.

К тебе аккорд стогласый обращен:
– Когда один, едино, явь иль сон.

СОНЕТ 9

Is it for fear to wet a widow's eye
That thou consum'st thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep,
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep,
By children's eyes, her husband's shape in mind:
Look what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it,
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it:
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame commits.

Пролиться вдовьих слез ты убоялся
И не украсил жизнь ее собою;
Когда б бездетным ты к концу остался
Мир плакал бы покинутой женою

Твоей вдовою миру впредь скорбеть,
Что не оставил ты горластый след;
Тогда как вдовам надлежит смотреть
В глаза детей, горит, где мужа свет.

Богатства мира, те, что тратит мот,
Лишь обновляют мира естество;
Растратчик, что берет – все отдает
Не грабит, обновляет он его.

Других не одарит любовью тот,
Кто сеять не привык, кто только жнет.

СОНЕТ 10

For shame deny that thou bear-st love to any,
Who for thyself art so improvident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lov'st is most evident;
For thou art so possess'd with murd'rous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire:
O change thy thought, that I may change my mind!
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self, for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.

Как жаль, что ты не любишь никого,
Тебе же много глаз глядит вослед.
Семейных уз бежишь ты от того,
Что род продлить, в тебе желанья нет.

Зачем ты сам к себе врага лютей?
Какого блага ищешь ты враждой,
Сметая кров прибежища страстей?
Хранить его и долг, и подвиг твой.

Переменись, я изменюсь вослед,
Любви найди достойное жилье.
Присутствием своим ты даришь свет
Пусть память вкруг царит, не забудь.

Сегодня красота в тебе живет,
Но пусть она и в детях расцветет.

СОНЕТ 11

As fast as thou shalt wane, so fast thou growest
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestowest
Thou mayst call thine when thou from youth convertest.
Herein lives wisdom, beauty and increase:
Without this, folly, age and cold decay:
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store,
Harsh featureless and rude, barrenly perish:
Look, whom she best endow'd she gave the more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
She carved thee for her seal, and meant thereby
Thou shouldst print more, not let that copy die.

Кто быстро воспарил – тот быстро сник.
Но все ж полет продолжится в другом,
Преемнике, наследнике твоём.
Он помыслов не сбытых проводник.

Так заповедал всех времен закон,
Иным не может управляться свет.
Погрязнуть в старости – плохой завет,
Лишь в шестьдесят шагов твоих времен.

Для тех, кому природа не близка,
Не благодный пусть станется конец.
А ты, творенья получив венец —
Твори! Из ручейков течет река.

Тобою жизни ставится печать!
Старайся больше оттисков создать!

СОНЕТ 12

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night,
When I behold the violet past prime,
And sable curls all silvered o'er with white,
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves
Borne on the bier with white and bristly beard:
Then of thy beauty do I question make
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake,
And die as fast as they see others grow,
And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed to brave him when he takes thee hence.

Когда часов удары возвестят,
Что ночь пожрала ясный свет дневной.
Я вижу, как пожух лесов наряд,
А соболю заискрился сединой.

Когда остались голы деревья,
От зноя укрывавшие стада,
А зелень лета свезена в дома,
Снопамы, чья колюча борода.

Я на твою взираю красоту.
Я вижу злого времени труды,
Рассеявшие в прах мою мечту.

Но знает смерть, что подрастут сады.
Хоть серп времен и косит красоту,
Мои потомки – вот мои плоды!

СОНЕТ 13

O that you were your self! but, love, you are
No longer yours than you yourself here live;
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give:
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Your self again after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifths: dear my love, you know
You had a father, let your son say so.

Любовь моя живи, всегда же знай —
Ты есть, пока ты сам, пока живешь.
Для каждого отмерян в жизни край,
За ним пусть будет сын с тобою схож.

Ты красотою наделен в кредит,
Не расточай ее, а приумножь.
По смерти сын тебя пусть возродит,
Он обликом с тобою будет схож.

Не позволяй войти упадку в дом,
Когда заботой он в веках храним.
Ему не страшен ветер зимним днем,
И холод смерти будет в нем гоним.

Листов лишится времени венец,
Но знает сын, что ты его отец.

СОНЕТ 14

Not from the stars do I my judgement pluck,
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And, constant stars, in them I read such art
As truth and beauty shall together thrive
If from thy self to store thou wouldst convert:
Or else of thee this I prognosticate,
Thy end is truth's and beauty's doom and date.

Не звездный сонм сужденья мне дает,
И я, хоть и изрядный астроном,
Все ж не рискну предсказывать исход
Погод, болезней, будущих времен.

Я предсказаний кратких не мастак,
Про дождь и ветер каждому вещать,
Иль государей судьбы будут как,
По состоянию небес гадать.

От глаз твоих все знания мои,
Лишь в них премудрость прозреваю я.
Краса и правда чахнут без любви,
Дари любовь, отринь сомнения.

Иначе вот что предрекаю я:
– Красе предел положит смерть твоя.

СОНЕТ 15

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and checked even by the selfsame sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory:
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night,
And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I ingraft you new.

Когда я зрю как результаты роста
ласкают глаз, лишь только краткий миг;
что жизнь подмостки и на них все просто,
а действ земных лишь звезды проводник;

Когда я вижу смену поколений,
я вижу волю твердую небес: —
Бежит в них сок тщеславных самомнений,
но!.. время убивает интерес.

Все бrenно, только ты даришь весною,
ты младостью богат в моих глазах,
но время не проходит стороною
и к ночи утро тащит второпях.

Я с временем в сраженье пребываю,
твой век своей прививкой продлеваю.

СОНЕТ 16

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant Time,
And fortify yourself in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens, yet unset,
With virtuous wish would bear your living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair
Which this time's pencil or my pupil pen
Neither in inward worth nor outward fair
Can make you live yourself in eyes of men:
To give away yourself keeps yourself still,
And you must live drawn by your own sweet skill.

Зачем ты не собрал здоровых сил,
Не кинул их на времени поток?
Зачем и плоть, и дух не укрепил
Чем лучшим, не моим набором строк?

Сейчас живешь ты юности часы,
Перед тобою множество садов.
Они готовы внять твоей красы
Живой, а не рисованных следов.

Так правит рок ошибки бытия.
Когда ни кисть, ни бойкое перо,
Красы твоей сквозь все старания
Не донесут. Сам засевай добро.

Чтоб сохраниться, раствори себя
В живых посевах, в них живут любя.

СОНЕТ 17

Who will believe my verse in time to come
If it were filled with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life, and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say, «This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touched earthly faces.»
So should my papers (yellowed with their age)
Be scorned, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be termed a poet's rage
And stretched metre of an antique song:
But were some child of yours alive that time,
You should live twice, in it and in my rhyme.

Едва ль поверят мне грядущие века,
Когда тобой сонет наполнен без остатка.
Но, видит Бог, сонет, вместителище греха,
Воспел поры, когда с тобою время сладко.

Явись во мне талант глаза твои воспеть
И в будущих стихах хоть часть красот отметить,
Грядущий век прочтя, что я решился сметь,
Сказал бы: – Лжет поэт, нет тех красот на свете.

Мой рукописный лист с годами пожелтел
И принят, может быть, погонею за славой.
Не веруя словам, я в них тебя воспел,
Их пышность, посчитав античностью лукавой.

Когда бы твой ребенок в годы те попал,
И в яви, и в стихах вдвойне бы ты блистал.

СОНЕТ 18

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimmed:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.

Мне с летом сравнивать тебя негоже.
Нет, лето сухо, ты весна, ты краше.
С бутоном наливным ты очень схожа,
Но краток календарь в цветенье нашем.

Порой глаза горят огнем небесным,
Но скроются за дымкой золотою.
Всему есть срок, что некогда чудесным
Было, не вдруг, но скрыто пеленою.

Но, не твоя судьба стареть со всеми,
Утрачивать красу, что ты имеешь.
Забвенью не владеть тобой, поверь мне,
В сонете ты живешь и с ним стареешь.

Покуда люди мой сонет читают,
Твоей красы года не улетают.

СОНЕТ 19

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleet'st,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O, carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.
Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.

Вершитель—время, когти льва спиши,
Поглотит пусть земля свой лучший плод;
Из пасти тигра зубы удали,
В огне пусть феникс сгинет, пропадет;

Чередованье вёсен, зим твори,
Пусть горькую слезу сменяет смех;
Всех прелестей ты миру подари,
Но не посмей один лишь только грех.

Своим теченьем ты не проведи
Борозд, на друга моего челе;
Цепочка лет пускай не повредит
Образчика красы всем на земле.

И сколь ему б ты время не вредило
Лишь он в моих стихах краса и сила.

СОНЕТ 20

A woman's face with Nature's own hand painted
Hast thou, the master-mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion;
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue, all hues in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.
And for a woman wert thou first created,
Till Nature as she wrought thee fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
But since she pricked thee out for women's pleasure,
Mine be thy love and thy love's use their treasure.

То женский лик природой изваянный
прияла госпожа, нет – Господин,
как женщина красив и осиянный
дарами постоянства паладин.

Глаза сияют без игры лукавой,
все позолотой покрывая вдруг,
все стати он своей венчает славой,
мужей пленяя, дев, разя вокруг.

Ты женщиной задуман был природой,
но воспылала страстию она
и наградила органом, расходуя,
но мне награда эта не нужна.

Ты даришь девам плотскую любовь,
а мне слиянье душ тревожит кровь.

СОНЕТ 21

So is it not with me as with that Muse,
Stirred by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use,
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare
With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
With April's first-born flowers, and all things rare
That heaven's air in this huge rondure hems.
O let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fixed in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well,
I will not praise that purpose not to sell.

Не вторю я поэтам, чьи стихи
Рождает россыпь красок и чудес,
Что дарит небо, строки чьи легки —
К возлюбленным являя интерес;

Творя сравнений истых торжество
С луной и солнцем, морем и землей,
С апрельским утром, ярко как оно,
Что небо разукрасило зарей.

С любовью опишу свою любовь,
Ее пример укор красе любой,
Что мать рожала, не найдется слов
Возвысить свет небесный пред тобой.

Я не отдам молве любовь мою,
Поскольку – я ее не продаю.

СОНЕТ 22

My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date,
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate:
For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me.
How can I then be elder than thou art?
O therefore, love, be of thyself so wary
As I not for myself but for thee will,
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill:
Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gav'st me thine, not to give back again.

Лжет зеркало, я вовсе не старик,
Покуда юность шествует с тобою,
Но лишь года избородят твой лик,
Надеюсь, что и я глаза закрою.

Пока ж в твоей купаюсь красоте
Я для себя и сам всегда моложе,
Живу в твоей груди, как ты во мне,
Так как же по годам не будем схожи?

Любовь моя, оберегай себя,
Как я храним судьбой для пользы друга,
Стук сердца, твоего, в душе храня,
Я нянькой встану на пути недуга.

Утраты горше нет для двух сердец,
Одно замрет, другое ждет конец.

СОНЕТ 23

As an imperfect actor on the stage,
Who with his fear is put besides his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart;
So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharged with burden of mine own love's might:
O let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense,
More than that tongue that more hath more expressed.
O learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

Как площадной актер или певец
Забывший текст баллады или роли,
Иль обуянный яростью гордец,
В ком сил избыток глушит силу воли;

Так я, робея от сознания долга,
Забыл любовных формул совершенство,
И кажется, любовь во мне умолкла,
Под грузом знания своего главенства.

Пусть рукопись моя, презревши речь,
Для сердца явится неммым глашатый.
Любви молящим, что бы дар привлечь
Ценней, чем языку далось когда-то.

Прочти посланье от любви немой,
Глазами слушай – тонкий ум настрой.

СОНЕТ 24

Mine eye hath played the painter and hath stelled
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill
To find where your true image pictured lies,
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with, thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, wherethrough the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee.
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

Мой глаз – рука, в руке резец зажат,
Портрет на сердце, он груди затворник;
Живою рамой быть картине рад,
В ней перспективу заложил художник,

Художника любясь мастерством,
Найди портрет в столь необычной раме,
Что заперта в хранилище таком,
Оно твоими смотрит в мир глазами.

Глаза глазам несут бесценный дар,
Мои изображают облик твой;
Твои же – окна, солнце дня нектар
Несет сквозь них, нарушив твой покой.

Моим глазам как видно не дано,
Твое увидеть сердце сквозь окно.

СОНЕТ 25

Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars,
Unlooked for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famoused for fight,
After a thousand victories once foiled,
Is from the book of honour rased quite,
And all the rest forgot for which he toiled:
Then happy I that love and am beloved
Where I may not remove, nor be removed.

Пусть те, к кому созвездья благосклонны,
Кичатся славой, титулами, властью,
Моя ж дорога к торжествам условна,
Безвестен, мне любовь дарует счастье.

Правителей любимцы расцвели
Совсем как ноготки под взглядом солнца,
Едва лучи светила прочь ушли,
Их слава превращается в уродца.

В сражениях прославленный герой,
Однажды потерпевший неудачу,
Для книги славы он уже изгой,
Забыто все, бывшее мало значит.

Но я люблю, я счастлив, я любим,
С богатством не расстанусь я своим.

СОНЕТ 26

Lord of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written embassy
To witness duty, not to show my wit;
Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought (all naked) will bestow it,
Till whatsoever star that guides my moving
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tottered loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee,
Till then, not show my head where thou mayst prove me.

Ты сюзерен, а я в любви вассал,
Арканом спутан из твоих достоинств,
Всепреданно письмо тебе писал,
Мое где уваженье априори —

Умы не ровня, мой и наг, и сир,
Себя подать таланта не имеет,
Живет надеждой, что его, мессир,
Душой своей укроет и согреет

До часа, как заветная звезда
Меня одарит милостивым взглядом,
Любовь уборы обретет тогда,
И я, тебя достойный, буду рядом.

Тогда любовь, быть может, воспою,
Пока же чувства в тайне сохраню.

СОНЕТ 27

Weary with toil, I baste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired,
But then begins a journey in my head,
To work my mind, when body's work's expired;
For then my thoughts (from far where I abide)
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see;
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel (hung in ghastly night),
Makes black night beautiful, and her old face new.
Lo thus by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

Измучив тело тяготой идти
Спешу в постель, желанный отдых чаю;
Но только лягу – я опять в пути,
Опять в уме дорогу намечаю...

К тебе, из места, где нашел ночлег,
Мое посольство споро отбывает;
Свой взор острою, его чтоб видеть бег
Сквозь темноту, слепцам, что не мешает.

Фантазия, иль зрение души,
Слепому взору призрак представляет,
Который лалом красит мрак ночи,
И лет следы с ее лица стирает.

Так плоть живая днем, а ночью дух,
Хранят огонь любви, чтоб не потух.

СОНЕТ 28

How can I then return in happy plight
That am debarred the benefit of rest?
When day's oppression is not eased by night,
But day by night and night by day oppressed;
And each (though enemies to either's reign)
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven;
So flatter I the swart-complexioned night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even:
But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make griefs' strength seem stronger.

Как мне усталость плоти превозмочь,
Когда заказан отдых для меня,
Когда от тягот не спасает ночь,
Лишь умножая груз былого дня;

В то время как враждуя, ночь и день,
Сплотились для терзания меня,
Один на путь мой насылает тень,
Другая боль разлуки бдения.

Тебя я дню описывал как свет,
Что наступленье туч превозмогает;
В ночи же ты манящее окно,
Которое все звезды затмевает.

Но гнета мне не умаляет день,
А ночь глухой тоски лишь множит тень.

СОНЕТ 29

When in disgrace with Fortune and men's eyes,
I all alone bewEEP my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possessed,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts myself almost despising,
Haply I think on thee, and then my state
(Like to the lark at break of day arising
From sullen earth) sings hymns at heaven's gate;
For thy sweet love rememb'ed such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

Когда в подлунном мире не в чести,
то ранит одиночество больней.
К глухому небу я хочу нести
мольбу, проклятие судьбы своей.

В мечтах я тот – надеждой кто богат,
красивый кто, друзьями наделен,
искусен кто, во взглядах меценат,
но – не владею тем, чем наделен.

Себя таким суждением презрев,
рванется вдруг к тебе моя душа
как жаворонок. Ввысь неся напев,
к вратам небесным с песнею спеша.

Мне право думать про любовь твою,
дороже, чем корона королю.

СОНЕТ 30

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye (unused to flow)
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancelled woe,
And moan th'expense of many a vanished sight;
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before:
But if the while I think on thee (dear friend)
All losses are restored, and sorrows end.

Когда на суд заветных мыслей строй,
Я вызываю память приоткрыв.
Вся тщета прошлых лет владеет мной,
Досаду прошлых бед слезой умыв.

Слеза бежит из глаз всегда сухих
По тем, кто скрылся навсегда в ночи.
По горестям любовных встреч моих,
Мой плач огню угаснувшей свечи.

Я повторяю счет потерь своих,
Припомнив бед течение за бедой.
Готов вторично оплатить я их,
Как будто не оплачены уж мной.

Но, только мысль наполнится тобой,
Готов смириться я с моей судьбой.

СОНЕТ 31

Thy bosom is endeared with all hearts,
Which I by lacking have supposed dead,
And there reigns love and all love's loving parts,
And all those friends which I thought buried.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye
As interest of the dead, which now appear
But things removed that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give;
That due of many now is thine alone:
Their images I loved I view in thee,
And thou, all they, hast all the all of me.

В твоей груди хранилище сердец,
Которых ход часов уже иссяк.
Любовью ты всем призванным конец
Украсила – друзьям, сошедшим в мрак.

Я исходил горючею слезой,
К ним преданность мне выела глаза,
Как платой, за постигший их покой.
В тебе сошлись для каждого стезя.

Могила ты приявшая любовь
Украшенную доблестью друзей.
Меня тебе вручили словно новь,
Что для иных хранил – прими скорей.

В тебе их образы я нахожу,
Тебе и им я весь принадлежу.

СОНЕТ 32

If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall cover,
And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bett'ring of the time,
And though they be outstripped by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O then vouchsafe me but this loving thought:
«Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought
To march in ranks of better equipage:
But since he died, and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love.»

Когда благословенный минет день,
Что смертью обратит меня во прах,
Когда перечитать тебе не лень
От умершего друга строк в стихах,

На них ты глазом нынешним взгляни.
И пусть они теперь не образец,
Моей любви во имя их храни,
Хоть слогом превзошел меня юнец.

А в мыслях ты любовь свою открой:
– О Муза друга!.. с веком ты расти,
Его любовь ведомая тобой
В века способна лучшее нести.

Ушедшего с живущими сравни,
Он дарил сердце, гладкий слог они.

СОНЕТ 33

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy,
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine
With all triumphant splendor on my brow;
But out alack, he was but one hour mine,
The region cloud hath masked him from me now.
Yet him for this my love no whit disdaineth:
Suns of the world may stain, when heaven's sun staineth.

Во множестве я наблюдал восход,
Что царственно шагает по горам.
Зеленым долам и потокам вод,
Он золото дарует по утрам.

Но так бывает, что красу небес,
Вдруг, застыт злые тучи-облака.
И прячет лик восход, темно окрест,
Он к западным крадется берегам.

И я, однажды солнцем озарен,
Внимал очарованью краткий час.
Великолепен, быстротечен он,
Но туча скоро разделила нас.

Зачем пенять на пятна солнц земных,
Коль на небесном в изобилье их.

СОНЕТ 34

Why didst thou promise such a beauteous day,
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy brav'ry in their rotten smoke?
Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak,
That heals the wound, and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
Th'offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.
Ah, but those tears are pearl which thy love sheeds,
And they are rich and ransom all ill deeds.

Зачем ты посулил мне ясный день,
Заставив без плаща покинуть дом,
Чтоб надо мной нависла тучи тень,
Сокрыв тебя туманом и дождем?

Недостает, пробившись из-за туч,
Лицо мне после бури осушить.
Ушибы врачевать бальзам могуч,
Бесчестье помогал бы пережить.

Не лечит горя моего твой стыд;
Скорби, но не вернет потерь твой жест:
Насмешки злой глубокий след не смывает
С несущего обиды тяжкий крест.

Любовь кропит слезами бытиё, —
То жемчуг искупленья зла её.

СОНЕТ 35

No more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud,
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting salving thy amiss,
Excusing thy sins more than their sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense —
Thy adverse party is thy advocate —
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate
That I an accessory needs must be
To that sweet thief which sourly robs from me.

Пусть не печалит то, что совершил:
В ручье есть муть, а на цветах шипы,
Свод неба солнце тучами закрыл,
А червь не дал бутону расцвести.

Грешит любой, кривлю душой и я,
Сравнением звучным сглаживая грех.
Его уж нет, а что унижен я,
Для дел твоих прощенье и успех.

Поступку злomu благость придаю,
Противное в тебе – защитник твой.
Я ж сам себе в полон, себя, сдаю,
И на себя же двинулся войной;

Пособником невольным предстаю,
А милый вор ограбил жизнь мою.

СОНЕТ 36

Let me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.
In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.
I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewailed guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name —
But do not so; I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.

Мы двое, но не вместе мы с тобой
хоть две любви сливаются в одну;
пусть пребывает весь позор со мной,
без помощи несу свою вину.

Любовей две – привязанность одна,
грехи вот только разные у нас;
им не сломить любовь, она полна,
жаль, не один ее украден час.

С тобой при встрече может, отвернусь,
тебя чтоб не коснулся мой позор;
и пусть твой взгляд меня не ищет, пусть,
не урони себя, суд будет скор.

Наказ мой сохрани; люблю тебя,
я охраняю честь твою любя.

СОНЕТ 37

As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth;
For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Intituled in thy parts, do crowned sit,
I make my love ingrafted to this store:
So then I am not lame, poor, nor despised,
Whilst that this shadow doth such substance give,
That I in thy abundance am sufficed,
And by a part of all thy glory live:
Look what is best, that best I wish in thee;
This wish I have, then ten times happy me.

На склоне лет дряхлеющим отцом
я юности проделки наблюдаю;
пусть охромел Фортуны острием,
в тени твоих достоинств увядаю.

Богатство, красота иль древний род,
все это, или что-нибудь другое,
тобой облагорожено и вот,
к ним приобщаюсь я с моей любовью.

Теперь уже не бедный я хромец,
твоих достоинств тень меня укрыла;
я им слуга и преданный певец,
меня питает их живая сила.

Все лучшее тебе преподношу
и большего у жизни не прошу.

СОНЕТ 38

How can my Muse want subject to invent
While thou dost breathe, that pour'st into my verse
Thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?
O give thyself the thanks if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight,
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thyself dost give invention light?
Be thou the tenth Muse, ten times more in worth

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.